

А

Анатолий Федорович Кони

Федор Михайлович Достоевский

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

Я просил нашего председателя разрешить мне выйти из пределов программы сегодняшнего заседания Юридического общества, чтобы сказать несколько слов в память человека, пред гробом которого в эти последние дни пролито столько искренних слез и чей прах был предметом такого величавого выражения скорби. Я не опасаясь, что меня спросят: "Какое отношение может иметь *Федор Михайлович Достоевский* к собранию юристов?" -- и не думаю, поэтому, что слово мое будет сочтено неуместным... Слово о великом художнике, который умел властно и глубоко затрагивать затаенные и нередко подолгу молчаливые струны сердца, не может быть неуместным в среде деятелей, посвятивших себя изучению норм, отражающих на себе душевную потребность людей в справедливости и искание наилучшего ее осуществления. Наше общество не должно составлять замкнутую корпорацию, чуждую всему выходящему из пределов узкой специальности,-- мы соединились здесь не с тем, чтобы, уединившись от жизни и тщательно закрыв уши на шум и вечное движение волн живой действительности, толковать лишь о наших технических вопросах. Те темы, которые мы разрабатываем за последнее время, те вопросы, о которых говорят некоторые из нас пред вами, служили бы лучшим опровержением противоположного взгляда, если бы он мог найти себе место между нами... И когда за стенами нашего собрания происходит явление, возбуждающее общее внимание и скорбь, когда после обильной трудом и душевными тревогами жизни закрывает глаза человек, подходивший к вопросам, составляющим нашу специальность, со своей собственной, особой, оригинальной художественно-психологической стороны,-- мы имеем право -- нет! более, чем право,-- мы *обязаны* помянуть его и хоть в немногих словах вспомнить, *как* относился он к этим вопросам.

Три вопроса, неравных по объему, но равносильных по значению, возникают пред человеком, который, познав себя в теории с уголовным правом, впервые касается на практике обширной и темной области действий, называемых преступлением. Прежде всего является вопрос о *живом содержании* преступления,-- не как отвлеченного понятия о нарушении норм, а как конкретного, осязательного явления. Теория дает общие положения, указывает руководящие начала, определяет состав каждого преступления,-- но его сокровенное содержание не вмещается в ее рамки. Совокупность влияний, порождающих преступление, и та внутренняя борьба, которая должна происходить в человеке между волею и страстью, между совестью и влечением, прежде чем он решится на роковой шаг,-- ускользают от теории. Она может наметить лишь стадии в развитии преступления, указать станции на его пути, определить самый путь -- может сказать: "это приготовление", "а это уж покушение", "а вот это совершение",-- но она не в силах развернуть пред нами картину внутренней движущей силы преступления и того сцепления нравственных частиц, в которых эта сила встречает себе противодействие. И вопрос о внутреннем содержании преступления, о том -- каким образом порочная склонность, ложная идея, страсть победили и страх наказания, и привычку подчиняться условиям общественного быта -- остается открытым пред юристом, в помощь которому является одна теория права. Она указывает ему на преступление как на проявление вражды против общественного порядка, описывает подробно свойства и вооружение врага и по большей части оставляет его лицом к лицу с неизбежным жизненным вопросом о том, как дошел этот враг до того, чтобы сделаться таковым.

Затем вырастает вопрос о *наказании* в том виде, в каком оно существует в *действительности*,-- вопрос не о той указанной в кодексе *роена*, которая не может быть *sine lege* {Наказание без закона (*лат.*)}, а о настоящей каре, обусловленной историей и бытом страны. Теория дает точные указания, как *должно быть* организовано наказание, и рисует целую схему карательных мер и учреждений, существующих в стране, но жизнь наполняет отдельные клеточки этой схемы своим содержанием, и без знакомства с этим содержанием мыслящий юрист обойтись не может.

Наконец, когда он познакомился с практическим осуществлением теоретически изображенного наказания, у него невольно рождается новый вопрос,-- важный по нравственному свойству своему, по свету, который бросает он на всю уголовную деятельность. Человек, совершивший преступление, наказан, буйная воля внешним образом сломлена и придавлена уголовною карою,-- но этим далеко не все исчерпано. Он не хотел подчиняться условиям общежития, совершая преступление,-- где же доказательства, что он захочет сознательно, а не насильственно, со злобою или презрением, подчиняться и последствиям нарушения этих условий? Отрицая общественный порядок, он может, в самом себе, не